

XVI

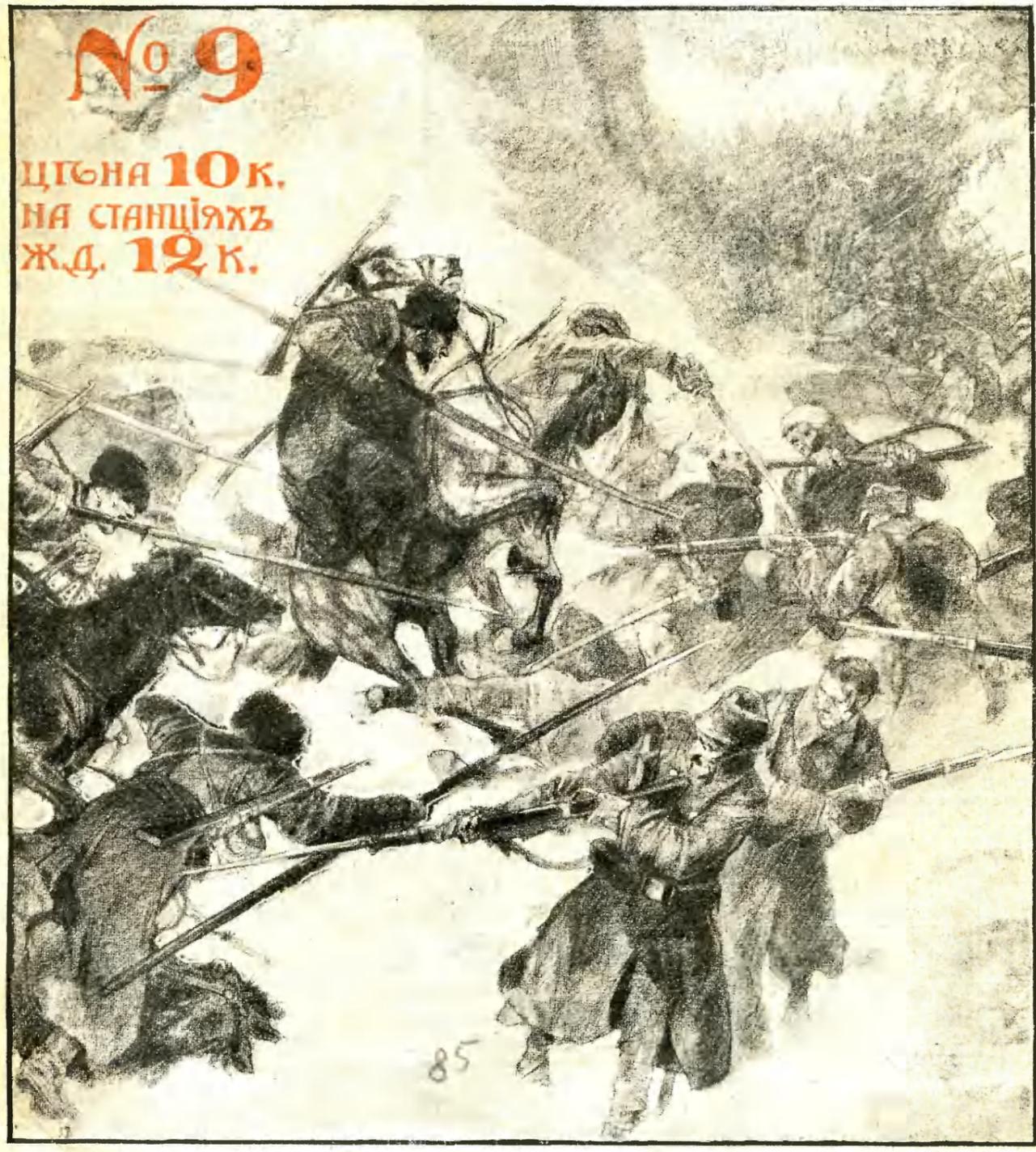
1-й АКС

1915

ОТЕЧЕСТВО

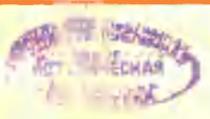
№ 9

ЦЕНА 10 К.
НА СТАНЦІЯХЪ
Ж.Д. 12 К.

«АТАКА КАЗАКОВЪ».

ПЕТРОГРАДЪ

1915г.

(Перепечатка воспрещается).

ВРУЧЕНИЕ ГЕОРГИЕВСКАГО КРЕСТА.

ИДЕЙНЫЯ ВЛІЯНІЯ ВОЙНЫ.

Статья С. ФРАНКА.

Такое огромное событие, какъ мировая война, будетъ имѣть, конечно, и огромныя послѣдствія во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни и въ томъ числѣ окажетъ и могущественное влияние на развитие общественнаго сознанія, на движеніе идей. Предсказать напередъ характеръ этого влияния врядъ ли возможно; историческій прогнозъ всегда вообще шатокъ, и чѣмъ крупнѣе событія, отъ которыхъ онъ отправляется, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ дѣло съ напередъ неопредѣлимыми и неисчислимыми величинами.

Но съ одной, опредѣленной стороны намъ представляется возможнымъ уже теперь предвидѣть идейныя послѣдствія войны. Война въ жизни народовъ есть великое испытаніе, и оказываетъ такое же влияние на общественное сознаніе, какъ великія испытанія и потрясенія личной жизни—на сознаніе индивидуума. Напрягая всѣ духовныя силы и заставляя ихъ проявлять себя въ дѣйствіи, такое испытаніе показываетъ, какія изъ ходячихъ идей и убѣжденій заключаютъ въ себѣ подлинную живую силу, подвигающую на дѣйствія, и какія являются лишь мертвыми словами, пустыми схематическими схемами. Въ этомъ отношеніи война уже обна-

ружила свое дѣйствіе, и мы можемъ до нѣкоторой степени опредѣлить его.

Первымъ такимъ крупнымъ идейнымъ дѣйствіемъ представляется намъ крушеніе *соціализма, какъ религіи*. Соціализмъ, какъ мечта о социальной справедливости и какъ движеніе, направленное на осуществленіе этого идеала, конечно, не погибъ и не можетъ погибнуть. Но ему суждено послѣ войны принять уже новыя формы, найти для себя новое обоснованіе. *Религія* социализма, какъ она возникла въ 40-хъ годахъ XIX вѣка, съ ея догматами о первенствующемъ значеніи классовой борьбы, о происхожденіи всѣхъ человѣческихъ бѣдствій изъ экономической эксплуатаціи и о полномъ возрожденіи человечества на почвѣ одной лишь социально-политической побѣды рабочаго класса,—эта религія социализма, уже давно для болѣе проницательныхъ взоровъ превратившаяся въ традиціонную форму мыслей, лишенную живого содержанія, въ моментъ великаго испытанія обнаружила свое безсиліе—такъ сказать, свое небытіе, какъ живой духовной силы. Внѣшне столь могущественныя и вліятельныя силы социалистическаго движенія во всѣхъ странахъ запад-

ПЕРЕДЪ ФРОНТОМЪ.

ной Европы не только не смогли предотвратить мировой войны, но и не внесли никакого смягчающего элемента въ нее, ничуть не отразились духовно на настроеніяхъ воюющихъ націй. Напротивъ, въ моментъ національнаго испытанія, капиталисты и пролетаріи въ каждой странѣ оказались на дѣлѣ тѣсно объединенными, тогда какъ международное братство «объединенныхъ пролетаріевъ всѣхъ странъ» обнаружилось какъ совершенно мнимое. Идейное вліяніе такого факта должно быть огромно. Все, что въ современномъ социалистическомъ движеніи было чистой фразой, пустымъ флагомъ или, въ лучшемъ случаѣ робкой, бездѣйственной мечтой, разъ навсегда изобличено теперь, какъ изобличенъ другъ, покинувшій насъ въ минуту несчастья. Надо полагать, что мировая война 1914—15 гг. явится такой же вѣхой, знаменующей исторически конецъ господствующаго социально-политическаго міросозерцанія XIX вѣка, какою въ отношеніи общественнаго міросозерцанія XVIII вѣка, были крушеніе великой французской революціи и наполеоновская эпоха.

Другую сторону этого же духовнаго поворота будетъ, очевидно возрожденіе *идеи національности*. Въ качествѣ бессознательнаго стихійнаго инстинкта эта идея, конечно, никогда не умирала. Но огромное число людей, особенно у насъ въ Россіи, впервые на опытѣ войны *осознали* въ себѣ и вокругъ себя всю значительность, могущественность и неистребимость этой идеи. Отвлеченный космополитизмъ, отрицавшій органически характеръ дифференціи по національностямъ и національнаго самоутвержденія, на жизненномъ опытѣ такъ же обнаружилъ свою несостоятельность, какъ и все рационалистическое міросозерцаніе социализма, съ которымъ онъ связанъ. Это не значитъ, что суждено погибнуть идеѣ международной солидарности.

.....
.....

..... Но и онѣ должны будутъ облечься въ новыя формы. Нации будутъ осознаны, какъ живыя единства, какъ подлинныя личности, и идеаль международнаго единенія будетъ пониматься не какъ смѣшеніе народовъ въ безразличную въ національномъ смыслѣ массу, а какъ великая задача устроения согласно живущей семьи народовъ. Органическое пониманіе общественнаго бытія должно будетъ смѣнить собою механистическое и рационалистическое пониманіе.

Что касается основныхъ разногласій нашего русскаго общественнаго міросозерцанія, то уже возрожденіе живой силы идеи національности, какъ и крупные факты, вскрытые войной, ставятъ на очередь пересмотръ стараго спора между славянофильствомъ и западничествомъ. Поскольку старое «западничество» опиралось именно на отвлеченный космополитизмъ и заключало въ себѣ мечту объ уничтоженіи національной самобытности,

На отдыхѣ.

(Перепечатка воспрещается).

ПЛѢННЫЕ У КОСТРА.

о подведении русской общественной жизни подъ средній, общій уровень безразличнаго «всеевропейскаго» бытія, оно уже опровергнуто тѣмъ фактомъ, что каждая нація въ этой войнѣ выступаетъ съ своимъ особымъ, характернымъ культурно-нравственнымъ лицомъ. Въ частности, нѣтъ надобности раздѣлять трафаретное сужденіе газетъ о Германіи, какъ воплощеніи сплошной порочности и всяческихъ мерзостей, чтобы признать, что въ лицѣ господствующаго германскаго умонастроения европейская культура создала типъ жизни, въ которомъ большія не только внѣшнія, но и внутренне-моральныя культурныя силы направлены по ложному, идолопоклонническому, безбожному пути, и что мы не хотимъ и не должны стремиться къ тѣмъ факторамъ западной культуры, которые ведутъ на этотъ путь.

Но крушеніе устарѣвшей формы западничества не равносильно воскрешенію стараго же славянофильства. Мысль о сплошной «гнилости» Запада есть такая же поверхностная, лживая фраза какъ и мысль о его сплошномъ превосходствѣ надъ своеобразными чертами русскаго національнаго бытія. Можно быть раз-

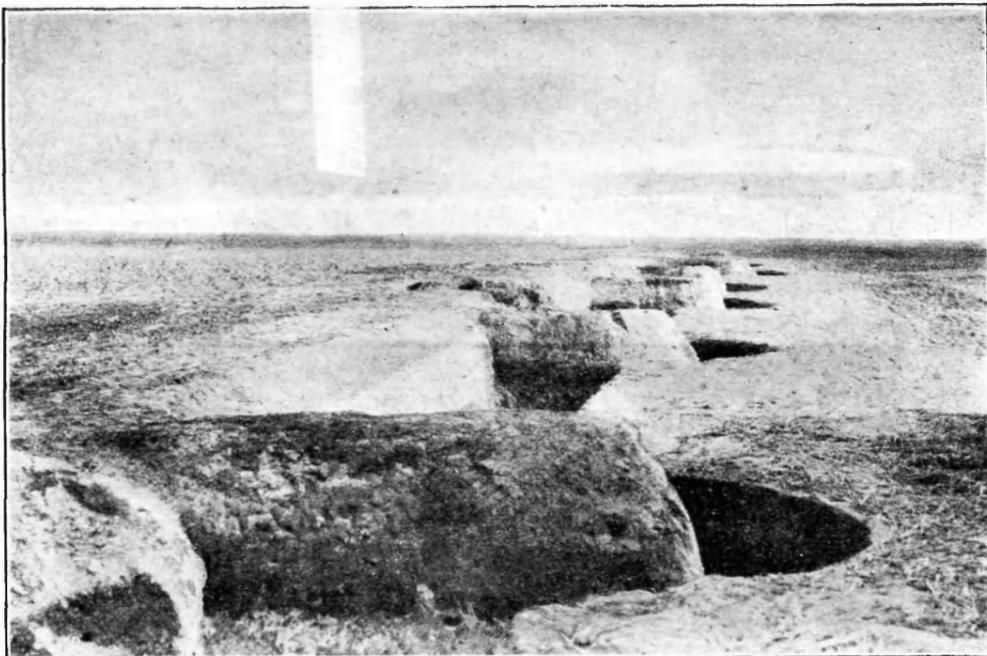
наго мнѣнія о духовныхъ силахъ различныхъ «западныхъ» культуръ. Но фактъ изумительнаго по своему *безкорыстію* героизма Бельгіи—страны чисто капиталистической и въ этомъ смыслѣ особенно типичной для «западной культуры»—этотъ фактъ есть живое, потрясающее своей силой свидѣтельство нравственнаго и духовнаго здоровья Запада, и это свидѣтельство, всѣми чуткими людьми внутренне-пережитое, какъ одно изъ прекраснѣйшихъ явленій современности, дѣлаетъ бессильными всѣ противоположныя разсужденія. Ни одинъ «славянофилъ» не сможетъ отрицать, что *этотъ* «Западъ» ближе и дороже намъ, чѣмъ иной Востокъ.

Въ результатъ опытовъ такого рода старый споръ становится безпредметнымъ. Великое испытаніе должно очистить насъ и отъ ложнаго самоуничиженія стараго «западничества», и отъ ложнаго самопревознесенія стараго славянофильства. Эти идолы будутъ сметены вѣрой въ Духъ, который «дышетъ, гдѣ хочетъ»; и можно надѣяться, что изъ великихъ бѣдствій войны для насъ родится истинная духовная свобода.

Походъ на цирюльня.

С. Франк.

НѢМЕЦКІЕ ОКОПЫ.

Изъ „Бесѣдъ съ Богомъ“

Верлена.

Мой Богъ сказалъ мнѣ: «Сынъ! Люби Меня.
Ты зрѣлъ
Мой прободенный бокъ, и сердце въ жгучихъ
ранахъ,
И ноги, что омыты въ рыданьяхъ покаянныхъ
Великой Грѣшницы былъ радостный удѣлъ.

Ты руки зрѣлъ Мои (на нихъ отяготѣли
Твои грѣхи)—и крестъ, и гвозди, и губу.—
Здѣсь, въ мѣрѣ горечи, и мысли и мольбу
Сосредоточь на Мнѣ: на Крови и на Тѣлѣ,

И на Моихъ словахъ, и голосѣ. Не я ль
Тебя любилъ,—о, братъ въ Отцѣ, о, сынъ
Мой въ Духѣ?
Страдалъ и принялъ смерть, дитя, не за
тебя-ль?

Не я ль тебѣ внималъ, когда всѣ были глухи?
И влага тѣхъ ночей то не была ль Моя,
О, мой печальный другъ, пытающій, гдѣ Я?

Вл. Пястъ.

ВЪ ГАЛИЦИИ.

В. І. ДМИТРИЕВА.

СОЛДАТИКИ.

РАЗСКАЗЪ.

Въ первый разъ Водя и Шура услышали про войну отъ няньки своей, Матренки лупоглазой.

Матренка была рослая дѣвица лѣтъ четырнадцати, вся еще пропитанная крѣпкимъ и свѣжимъ духомъ деревни. У нея были круглыя, красныя, какъ яблоки, щеки, приплюснутый носикъ и голубые, всегда вытаращенные глаза,—точно Матренка однажды чему то удивилась, да такъ и осталась на всю жизнь. За эти глаза кухарка Хавронья и прозвала ее лупоглазой, а иногда къ этому прозвищу прибавляла еще и другое, болѣе обидное—«поросячье мурло».

Водя и Шура были съ этимъ несогласны. Для нихъ лучше Матренки, красивѣе, умнѣе и добрѣе не было никого на свѣтѣ, и если кто нибудь изъ нихъ капризничалъ, стоило только сказать: „а вотъ покричи у меня еще, Матренку прогоню!“—и всякіе капризы сейчасъ же прекращались. Они совершенно не могли себѣ представить, какъ это можно жить безъ Матренки, кто же тогда будетъ рассказывать имъ разныя присказки

и прибаутки, пѣть деревенскія пѣсни, покупать съ лотковъ маковники и сахарныя сосульки, а главное,—приносить отовсюду самыя удивительныя новости? Отъ вытаращенныхъ Матренкиныхъ глазъ не ускользало ничто: все видѣнное и слышанное на базарѣ, на улицѣ, въ лавкѣ, она воспринимала съ жадностью и немедленно дѣлилась своими впечатлѣніями съ Водей и Шурой.

Такъ было и въ то утро, когда она, вся красная, прибѣжала съ улицы и еще изъ кухни закричала:

— Водя! Шура! Идите глядѣть, война!..

Водя опрокинулъ стаканъ съ краской на рисунокъ, который собирался раскрашивать, Шура вылѣзла изъ подъ стола, гдѣ жили ея куклы, даже Хавронья покинула закипающія щи, и, подъ предводительствомъ Матренки, всѣ четверо повисли на всѣхъ четырехъ подоконникахъ, и четыре носа приплюснулись къ стекламъ, и восемь глазъ жадно устремились на улицу.

Тамъ шли, должно, быть, на ученье, запасники. Нѣкоторые изъ нихъ еще не успѣли нарядиться въ

ВЪ ЗАТОПЛЕННОЙ БЕЛЬГИИ.

шинели и были одѣты въ короткія куртки, перетянутыя ремнями: у другихъ за поясами болтались жестяные чайники, но всѣ уже, вскинувъ ружья на плечо, шагали по солдатски—разъ-два, разъ-два,—и во всю ширь деревенскихъ глотовъ отхватывали „селезня“. Запѣвало, огромный, бородатый мужикъ въ сѣрой бараньей шапкѣ, сдвинутой на ухо, шель впереди всѣхъ и тончайшимъ голосомъ начиналъ:

Она ихъ ня чеша, она ихъ ня глядя,
Толька волосы дярѣ!..

Послѣднее слово онъ выкрикивалъ особенно выразительно, и сейчасъ же всѣ вразъ похватывали его, и съ присвистомъ, съ гайканьемъ, вдоль улишы разливался многоголосный припѣвъ:

Сашеньки-Машеньки, душеньки-Наташеньки,
Только волосы дярѣ!..

Прошли, смолкъ дробный топотъ шаговъ, угасла за угломъ пѣсня, а четыре носа долго еще были приплюснуты къ окнамъ, и восемь глазъ никакъ не могли оторваться отъ опустѣвшей улишы.

— Небось, и наши тама!.. со вздохомъ сказала, наконецъ, Хавронья и торопливо перекрестилась.— Пошли имъ, Господи, Царица небссная, врага спобѣдить, благолушно вернуться... Свиридку то моего безпутнаго тоже вотъ-вотъ потянуть...

— Какого Свиридку?—спросилъ Водя.

— Да племяшъ у меня есть въ деревнѣ. Такой малый безпутный, землю мою взялъ, деньги обѣщался платить и ни копеечки не шлетъ. А все-таки жалко... Батюшки мои!.. воскликнула вдругъ она.—А вѣдь щито у меня никакъ ушли!

Она кубаремъ скатилась съ подоконника и побѣжала въ кухню, откуда уже по всей квартирѣ распол-

зался чадъ пригорѣлаго сала. Матренка тоже вспомнила, что у нея еще полы не метены, и принялась за щетку.

— Война кончилась?—разочарованно спросила Шура.

— Кончилась, Шуручка, слѣзай съ окошка.

— А когда опять начнется?

— А вотъ когда много солдатовъ поидетъ, въ барабаны забьютъ, пѣсни заиграютъ, тотъ тебѣ и опять война будетъ!..

Такая веселая война очень понравилась Шурѣ. Каждый день она нетерпѣливо дожидалась, когда пойдутъ солдаты и, заслышавъ на улицѣ знакомый топотъ, во всю мочь бѣжала къ окну, пронзительно крича:

— Солдатики, солдатики идутъ, опять война!

А когда солдаты проходили, она долго еще пребывала въ воинственномъ настроеніи, маршировала по комнатамъ и, подражая бородатому запѣвалѣ, лихо выкрикивала передѣланныя на свой ладъ слова:

Сашкину мамашку злющая Наташка
Больно за косы дереть!

Шестилѣтній Водя былъ господинъ положительный и отнесся къ войнѣ гораздо серьезнѣе, чѣмъ его легкомысленная сестренка. Конечно, онъ очень уважалъ Матренку, какъ особу умудренную опытомъ и знающую жизнь, но въ ея объясненіяхъ войны ему почуялось что то неладное.

И Водя приступилъ съ разспросами сначала къ папѣ и мамѣ, потомъ къ Хавроньѣ, которая хотя и не умѣла читать, зато о многихъ интересныхъ вещахъ, на примѣръ, о нечистой силѣ, знала гораздо больше, чѣмъ папа и мама.

Каждый объяснилъ ему по своему, и всѣ—по разному; понятнѣе всѣхъ рассказала все таки Хавронья.

Взбунтовался нѣмецъ и хотеть у нашего царя землю отнять. А нашъ царь собралъ свои войска, далъ имъ ружья, пушки, сабли и послалъ нѣмца прогнать. Вотъ и пошла война. Наши солдаты нѣмца гонять, а онъ не идетъ, упирается. Однако Богъ милостивъ, а войска у насъ—сила несмѣтная, и сколь нѣмецъ ни хитеръ, придется ему, окаянному, во свояси убираться...

— Стало быть, и Свиридка тоже пойдетъ нѣмца гнать?

— А какъ же, Водюшка, безпремѣнно пойдетъ!— сказала Хавронья.—Сейчасъ до него еще чередъ не дошелъ, а какъ дойдетъ,—погонять и его, безпутнаго. Пропали мои денежки!

— А онъ—сильный, Свиридка то?

— Извѣстно, мужикъ здоровый, да вѣдь и нѣмецъ тоже, сказываютъ, зубастый. Сколько ужъ нашихъ войсковъ на него вышло, а все мало, все новыхъ гонять, Такой прицѣпистый нѣмецъ; дай Богъ здоровья солдатикамъ нашимъ, не пушаютъ они его сюда, а то пропали бы наши головки горькия...

Хавронья пригорюнилась и даже потихоньку всплакнула—не то о Свиридкѣ, не то о денежкахъ своихъ пропащихъ, а можетъ быть, о томъ и о другомъ вмѣстѣ. Ея рассказъ и особенно слезы сильно поразили Водю.

Всю ночь потомъ ему снился огромный, страшный нѣмецъ; у нѣмца почему то былъ слоновий хоботъ, которымъ онъ старался поймать Свиридку, а Свиридка все хотѣла отрубить нѣмцу хоботъ, да никакъ не могъ до него допрыгнуть. Отъ жалости и отъ страха Водя заревѣлъ, свалился съ кровати на полъ и перебудилъ всѣхъ. Насилу его успокоили, а Хавронья на другой день очень досталось отъ мамы за то, что пугаетъ ребенка своими розсказнями.

Тѣмъ временемъ солдаты все шли и шли, сегодня одни, завтра другіе, и Матренкины глаза отъ изумленія и непрерывнаго восторга совсѣмъ вылѣзли на лобъ. На танцующихъ лошадакахъ уѣхали на войну драгуны въ фуражкахъ съ бѣлыми околышами; проводили съ музыкой сѣрозеленыхъ ушелъ, наконецъ, и звонкоголосый бородачъ, а вмѣсто него уже новые запѣвалы разсказывали о старой бабушкѣ, которая такъ плохо причесывала молодецкія кудри. Дошелъ чередъ и до безпутнаго Свиридки.

Это произошло раннимъ утромъ, когда дѣти еще лежали въ своихъ кроваткахъ и спорили, кому первому вставать. Ихъ споръ прекратила Матренка. Съ лошадинымъ топотомъ она ворвалась въ дѣтскую и таинственно сообщила:

— Свиридка пришелъ... Въ куфнѣ сидитъ, чай пьетъ... а Хавронья плачетъ. Ей Богушки, правда!

Въ одинъ моментъ Водя и Шура были на ногахъ. Поспѣшно натягивали штанишки, нетерпѣливо мотали головами, стараясь вырваться изъ цѣпкихъ Матренкиныхъ рукъ, и, еще не обсохнувъ отъ умыванья, растрепанные, незастегнутые, помчались въ кухню.

Тамъ за столомъ сидѣлъ самый обыкновенный мужикъ въ лаптяхъ, въ полушубкѣ и степенно хлебаль съ блюдечка чай. Водя съ удивленіемъ на него смотрѣлъ. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Свиридка, который пойдетъ съ нѣмцемъ воевать, былъ такимъ смиреннымъ на видъ мужичкомъ. И немного смутившись, Водя вѣжливо спросилъ:

— А гдѣ же у тебя ружье?

— Ружья нѣту,—отвѣчалъ Свиридка и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя новую порцію кипятку.

— А чѣмъ же ты будешь нѣмца прогонять?

— Чѣмъ?—А вотъ чѣмъ!

Свиридка засмѣялся, бережно положилъ на столъ крошечный огрызокъ сахару и, сжавъ руку въ кулакъ, показалъ его Водѣ. Кулачище былъ здоровенный, и Водя посмотрѣлъ на него съ уваженіемъ.

— Не слухай его, Водюшка!—сказала Хавронья.—Ему бы только зубы скалить, такой ужъ безпутный уродился. Все ему выдадутъ,—и ружье, и муницю,—вотъ ужо пойдетъ въ чихаузъ, тамъ и дадутъ. Пей, пей, Свиридка, сѣмъ ка я тебѣ еще налью, небось, на войнѣ то не придется чайку попить... Какой ужъ тамъ чай, быть бы живу!

Она всхлипнула и подлила племяшу кипяточку, а Свиридка все пилъ и пилъ, и потъ крупными бисеринами катился по его обвѣтренному лицу. Иногда онъ вытиралъ его полой полушубка и, подмигивая Водѣ, улыбался, а зубы у него были бѣлые, какъ миндали.

Скоро онъ пришелъ опять, и сначала Водя его и не узнала. Онъ былъ подбрить, подстриженъ, въ шинели и сапогахъ, въ сѣро-зеленой гимнастеркѣ, отчего казался выше и молодецватѣе. Но чаю пилъ также много, до бисернаго пота, и также весело показывалъ свои бѣлые миндали. Хавронья глядѣла на него и разливалась рѣкой, а Свиридка ее утѣшала.

— Вы, тетенька, не обижайтесь, деньги ваши ни въ какомъ разѣ не пропадутъ. Господи, да развѣ мы безчувственные какіе и вашей скорби не понимаемъ? Всѣ до копѣчки получите.

— Безпутный ты, безпутный и есть,—возражала Хавронья.—Да нешто я объ деньгахъ? Да хотъ бы самъ то цѣль вернулся, а деньги—пропади они пропастью!..

Докончивъ послѣдній стаканъ, Свиридка помолился на образъ и сталъ прощаться.

— Счастливо оставаться, тетенька, спасибо за чай—за сахаръ. Прощевайте, ребятенки, можетъ, больше не увидимся. Слыхать, на той недѣлѣ къ самой границѣ насъ пошлютъ.

— А ты развѣ назадъ не придешь, когда нѣмца прогонишь?—спросилъ Водя.

— Ну, это ужъ какъ Богъ дастъ. Нѣмецъ—онъ тоже здоровый, идоль, хватить объ землянку—и духъ вонъ вышибетъ.

Водя снизу вверхъ посмотрѣлъ на Свиридку и не повѣрилъ.—Нѣтъ ужъ куда съ нимъ справиться, вонъ онъ какой большущи, а что Хавронья плачетъ, такъ это оттого, что у нея глаза на мокромъ мѣстѣ. Она всегда плачетъ, даже когда у нея щи уйдутъ, и папа говоритъ, что отъ этого у нея всѣ кушанья пересоленыя.

Дѣти увидѣли Свиридку еще разъ. Въ этотъ день супъ былъ пересолень до крайней степени, жареная утка подгорѣла, мама сердилась. Хавронья совсѣмъ распухла отъ слезъ, и Водя догадался, что произошло, что-то особенное. Послѣ обѣда, когда они отправились на свою обычную прогулку, все разъяснилось; Матренка крѣпко схватила ихъ за руки и стремительно потащила впередъ, бормоча на бѣгу:

ЖИВОЙНЪ.

Е. В. АНИЧКОВЪ.

Н. С. ГУМИЛЕВЪ.

Е. В. АНИЧКОВЪ.

— Солдатовъ нынче на войну гонють, и Хавроньинъ Свиридка тама, идемте скорѣй-ча глядѣть...

Спускались тихія теплыя сумерки, въ церквахъ грустно звонили колокола, на улицѣ было пусто. Только у воротъ казармы чернѣла небольшая кучка народа и въ молчани слухала торжественное пѣние, которое доносилось со двора.

Отче нашъ, иже еси на небеси-и,
Да святится имя Твое, да приидеть Царствие Твое...

— «Вотчу» поють... сказала Шура, очень довольная, что узнала знакомую молитву.

Наохлившись и раскрылившись, точно насѣдка, Матренка еще крѣпче притиснула къ себѣ дѣтей и ринулась въ толпу. Тутъ были мужики и бабы съ мѣшками, отъ которыхъ вкусно пахло печенымъ хлѣбомъ, рабочіе съ черными отъ сажи лицами, солдаты, гимназисты, барыни въ шляпкахъ, шустрые мальчишки— неизмѣнные участники всѣхъ смотровъ, парадовъ и уличныхъ происшествій. Матренка терпѣть ихъ не могла и называла «филиганями» за то, что при встрѣчахъ на улицѣ они всегда норовили дернуть ее за платье, высунуть языкъ или оглушить пронзительнымъ свистомъ. Но теперь и они тоже притихли, только вертѣли во всѣ стороны головами и старались протиснуться поближе.

Между тѣмъ пѣние смолкло; въ тишинѣ слышнѣе стали церковные перезвоны и вдругъ рѣзко загрохоталъ барабанъ. Шура обрадовалась и захлопала въ ладоши.

— Война, война!—весело закричала она.—Сейчасъ солдатики на войну пойдуть...

И запѣла было про Сашкину мамашку, но какой то сердитый мужикъ такъ на нее цыкнулъ, что Шура испугалась и замолчала. Замолчалъ и барабанъ; изъ воротъ, по одиночкѣ и кучками, начали выбѣгать солдаты. Выбѣгали и на улицѣ становились въ ряды; молодой офицеръ озабоченно ходилъ около нихъ и потираливалъ:

— Живѣй, живѣй, ребята, какъ бы не опоздать!.. Денисовъ, погляди тамъ, братецъ, не забыли ли чего, да скажи, чтобы шли поскорѣе.

— Готово, ваше благородіе! Всѣ тутъ!—весело откликнулся изъ сумерекъ звучный голосъ.

Офицеръ что то негромко крикнулъ, и сѣрые ряды стройно двинулись впередъ. Толпа колыхнулась за ними, послышались сдержанные голоса:

— Прощайте, милые... дай Богъ вамъ! Пошли Господи во здравіи вернуться!

А какая то маленькая старушка въ черномъ салопѣ тихонько хлюпала носомъ и, крестя проходившихъ солдатъ, причитывала:

— Защитнички наши, солдатики любезные, чтобы васъ солнышкомъ грѣло, да дождичкомъ не мочило, да чтобы вражьи пули васъ не касались...

— Свиридка Хаврошкинъ идетъ, гляди, Водя, вонъ онъ, вонъ онъ!—зашептала Матренка, дергая ребятишекъ за руки.

— Свиридка, до свиданья!—въ одинъ голосъ закричали Водя и Шура.

Одинъ изъ солдатъ оглянулся на крикъ и, разскавъ глазами двѣ знакомыя маленькія фигурки, по-

слалъ имъ прощальную улыбку. На мгновение мелькнуло обвѣтренное лицо, сверкнули бѣлые зубы, потомъ все исчезло, слилось въ однообразную сѣрую массу, только слышался отчетливый топотъ шаговъ: трапъ-трапъ, трапъ-трапъ,—да колокола печально гудѣли вслѣдъ уходящимъ, точно посылали имъ свой послѣдній привѣтъ.

И вдругъ Шура, настроенная и звономъ этимъ унылымъ, и сумерками, и причитаньемъ черной старушки, почувствовала, что война, должно быть, вовсе не такая веселая игра, какъ она думала. Маленькое сердце ея переполнилось такою жалостью къ уходящимъ куда то въ темноту солдатамъ, что она не вытерпѣла и заревѣла на всю улицу:

— Солдатики, милые солдатики, не уходите, тамъ страшно!..

Испуганная Матренка поспѣшно вытащила ее изъ толпы, Водя ударился за ними. Онъ тоже хотѣлъ было взвыть, но вспомнилъ, что вѣдь онъ—солидный мужчина—и удержался. Вдвоемъ съ Матренкой они стали уговаривать Шуру не плакать. Боже сохрани, если мама увидитъ красные глаза—прощай тогда Матренка, ее прогонять! Это подѣйствовало, и Шура успокоилась. Но вечеромъ, лежа въ своихъ кроваткахъ, они оба немножко всплакнули опять. Особенно почему то было грустно вспоминать, какъ Свиридка пилъ чай, и представляя себѣ ту странную тьму, куда онъ ушелъ и гдѣ подстерегалъ его таинственный нѣмецъ, Водя потихоньку, чтобы никто не услышалъ, хныкалъ въ подушку.

О Хавронѣ нечего и говорить, она вся утонула въ слезахъ. Сначала оплакивала Свиридку, потомъ услышала на базарѣ, что нѣмецъ взялъ очень хороши русскій городъ, Парижъ, а когда всѣ эти предлоги были уже исчерпаны, она вмѣстѣ съ Водей вспоминала, какъ Свиридка чай пилъ, и снова принималась рыдать.

Вскорѣ всевѣдущая Матренка возвѣстила о новомъ событіи. Послали ее за булками; она пропала цѣлый часъ и вернулась безъ булокъ, въ такомъ взъерошенномъ видѣ, какъ будто за ней гналась сотня самыхъ отчаянныхъ «филигановъ».

— Миленькіе мои, хорошенькіе, что я видѣла-то!—заголосила она.—Раненыхъ привезли,

— Какіхъ раненыхъ? Откуда привезли?—спросилъ Водя.

— Да съ войны... солдатовъ! батюшки мои, средю такого чуда не видывала!

— Да ужъ не знаю... тамъ не протолчешься... наро-оду! Я испугалась и булки позабыла купить...

Такъ вотъ онъ какой нѣмецъ то, смѣетъ нашимъ солдатикамъ головы рѣзать! И ни слова не говоря, Водя пошелъ въ переднюю одѣваться.

— Водюшка, куда ты?—зашептала Матренка.—Теперь все равно не увидишь, провезли ихъ, и мамашка сердчать будетъ. А вотъ завтра пойдемъ гулять, я тебѣ ихъ покажу...

Сговорились идти одни, безъ Шуры, а то опять ревѣть будетъ,—и на другой день, спозаранку, уже

Э. Деталь

«СМЕРТЮ ХРАБРЫХ».

стояли у ворот той самой казармы, откуда недавно провожали солдатиков на войну. Теперь надъ воротами развѣвался большой бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ, а по двору бѣгали люди съ такими же красными крестами на рукавахъ. На улицѣ толпился народъ; всѣ смотрѣли въ одну сторону и чего то ждали. Но вотъ отрывисто закричали автомобильные гудки; къ казармѣ подкатилъ одинъ автомобиль, потомъ другой и третій. Люди съ красными крестами на рукавахъ бросились имъ навстрѣчу. Раненые стали выходить. Нѣкоторые шли сами, бережно пряча подъ шинелями обмотанныя марлей руки; другихъ поддерживали подъ мышки и они, съ трудомъ волоча больныя ноги, болѣзненно морщась на каждомъ шагу, исчезали въ воротахъ. Но у всѣхъ у нихъ были мертвенно-блѣдныя лица и неестественно больше глаза, устремленные куда то вдаль. Напыжившись изо всѣхъ силъ, чтобы не заревѣть, Водя смотрѣлъ на раненыхъ, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, поравнявшись, взглянулъ на него и улыбнулся. Тутъ уже Водя совсѣмъ позабылъ, что онъ мужчина, по Шуриному скривилъ на сторону ротъ, набралъ въ себя духу и протяжно завылъ:—«у-у»!.

— Водюшка, миленькій, съ чего ты?—зашептала Матренка, а сама тоже сморкалась въ фартукъ и всхлипывала.

Водя и самъ не зналъ съ чего.—Жалко было солдатиковъ, и еще почему то хотѣлось плакать и хотѣлось сдѣлать что то такое необыкновенное, отчего всѣмъ раненымъ сразу стало бы хорошо, весело и ничуть не больно. Взять изъ копилки всѣ серебряныя пяточки и купить на нихъ много-много конфетъ. Или отдать всѣ свои игрушки—даже самого любимого плюшеваго медвѣжонка, Фильку. Эти мысли такъ заняли Водю, что онъ пересталъ плакать и потянулъ Матренку за фартукъ.

— Пойдемъ домой!—сказалъ онъ. Потомъ стыдливо оглянулся по сторонамъ—не видѣлъ ли ктонибудь, какъ онъ ревѣлъ, и пригрозилъ Матренкѣ:—Да смотри не сказывай никому, что я плакалъ. Пуще всего Шуркѣ не говори, а скажешь, я тебя вотъ какъ отколочу!.

Матренка побожилась, что не скажетъ, и они пошли домой.

За обѣдомъ Водя неожиданно заявилъ:

— Папа, а я нынче видѣлъ раненыхъ. Вотъ какой нѣмецъ то злющил: солдатики его сюда не пу-

ВЪ ШАМПАНИ. ДЕРЕВНЯ ГЛАНЪ ПОСЛѢ БОМБАРДИРОВКИ.

скаютъ, а онъ еще дерется! Тебѣ солдатиковъ жалко папа?

— Конечно, жалко,—согласился папа.

— И мнѣ тоже. Знаешь что, папа. Давай возьмемъ ихъ къ себѣ!

— Зачѣмъ?

— Потому что они хорошие, ихъ надо любить. Вѣдь ты ихъ любишь?

— Любить то люблю, да куда же мы ихъ дѣнемъ?

Водя удивился. Какъ, куда? Да это очень просто. Одного—на Водину кровать, другого—на Шурину, а сами они будутъ спать на полу. И Матренка на полу, и всѣ. На полу даже еще лучше, веселѣе, спросите хоть Шуру. Потомъ есть еще диванъ; на немъ все равно никто не спитъ, и можно положить раненаго солдата. А сидѣть можно и на стульяхъ...

Папа поглядѣлъ на маму, и оба засмѣялись. Водя обидѣлся. Странно, большіе всегда смѣются надъ маленькими, когда вовсе нѣтъ ничего смѣшного. Небось, не смѣялись бы, если бы нѣмецъ сюда пришелъ и сталъ всѣхъ колотить. А Хавронья говоритъ, что солдатики—наши защитники; за нихъ надо Богу молиться. И смѣяться тоже очень, очень стыдно!..

— Ну, хорошо,—сказалъ папа, стараясь успокоить расхоловавшегося Водю. Чего ты распузырился, ѣшь, а тамъ посмотримъ.

— Нѣтъ, папа, ты скажи: возьмемъ раненыхъ или нѣтъ?

— Да хорошо, хорошо!..—повторилъ папа.

Водя повеселѣлъ и сейчасъ же послѣ обѣда принялся за дѣло. Озабоченно расхаживалъ по всей квартирѣ, что-то передвигалъ, переставлялъ, пересчитывалъ свои серебряныя копѣйки и вставилъ въ граммофонъ новую иглолку. Шура тоже принимала живое участие

въ Водиныхъ хлопотахъ и послѣ долгихъ размышленій рѣшила угостить солдатиковъ своими любимыми мятными пряниками, которые за хорошее поведение приносила ей розовый ангелочекъ, висѣвши у нея надъ кроватью. Она сама слезила въ шкафъ, достала пакетъ и, глубокомысленно наморщивъ носикъ, стала распределять. Сначала вынула два пряника и сказала:—«Это мнѣ!» Потомъ вынула еще два, подумала и сказала—«А это... тоже мнѣ!» Кончилось тѣмъ, что для солдатиковъ въ пакетѣ остался только одинъ пряникъ; Шура очень удивилась, сконфузилась и спрятала пряники обратно. Вотъ придутъ солдатики, тогда она и дастъ каждому по прянику, а теперь покуда пусть лежатъ въ шкафу. Она даже удержалась отъ соблазна и ни одного не съѣла, хотя очень хотѣлось. А вечеромъ, ложась спать, старалась не шалить, не брыкала Матренку ногами и не бросалась въ Водю подушкой въ тайной надеждѣ, что добрый ангелочекъ принесетъ еще.

На другой день Водя проснулся раньше всѣхъ, поскорѣй одѣлся, тихонечко добылъ изъ передней свое пальтишко и никѣмъ незамѣченный вышелъ на улицу. Утро было тихое, солнечное, и, добравшись до казармы, Водя увидѣлъ, что всѣ окна въ нижнемъ этажѣ растроены настежь, а на подоконникахъ сидятъ тѣ самые раненые, которыхъ вчера привезли. Но сегодня они были уже не такіе страшные, какими показались Водѣ въ то время,—должно быть, отдохнули послѣ дороги, радовались солнцу, синему небу, утренней тишинѣ, и не думали про страшнаго нѣмца. Даже глаза у нихъ стали совсѣмъ другіе; они не смотрѣли неподвижно куда-то вдаль, а весело и добродушно улыбались прохожимъ.

Водя остановился у одного окна и поздоровался съ молодымъ солдатикомъ, у котораго обвязана была голова,

— Здорово, землячок!—откликнулся тотъ.—Что, на разгулку вышелъ?

— Нѣтъ, я такъ. А что это у васъ въ головѣ?

— Это? Нѣмецкая пуля укусила. Маленько не потрафила, а то лежалъ бы я теперича въ сырой землѣ.

— Очень больно было?

— А то нѣтъ? Какъ звѣзданула, ажъ гуль въ головѣ пошелъ!

Подошли другіе раненые и, посмѣиваясь, смотрѣли на маленькаго серьезнаго человѣчка въ длинномъ пальтецѣ и пушистой шапочкѣ.

— А не видали вы тамъ Свиридку?—продолжалъ Водя. Большущій такой и все смѣется, а чаю пьетъ много—много, цѣлый самоваръ!

— Вотъ такъ Свиридка!—захохотали раненые.— Нѣтъ, такого мы не видали. А онъ тебѣ что же, родня что ли?

— Нѣтъ, онъ у насъ въ гостяхъ былъ, а потомъ тоже пошелъ нѣмца выгонять. Приходите и вы къ намъ, только не въ гости, а жить!

— Вотъ это ловко!—воскликнулъ одинъ изъ раненыхъ.—А у тебя что же, домъ дюже большой?

— У насъ четыре комнаты, да это ничего. Мы вамъ свои кровати отдадимъ, а сами на полу ляжемъ. Потомъ у насъ диванъ есть—мягки-размягкій!.. Какъ сядешь, такъ ноги кверху. Мы и его вамъ отдадимъ.

Раненые перестали смѣяться, и солдатикъ съ повязкой на головѣ ласково сказалъ:

— Ну вотъ спасибо тебѣ, малецъ, видать, добрая твоя душа. И диванъ у тебя, должно, знатный! Вотъ избавилъ Богъ въ сырой землѣ лежать, такъ на твоёмъ диванѣ положимъ.

— Нѣтъ, правда, приходите, у насъ вамъ весело будетъ. Я вамъ свои игрушки покажу и на грамфонѣ буду играть. А Матренка пѣсни умѣетъ пѣть—про Ваньку-дудочника, балалаечника. Приходите же! Это совсѣмъ недалеко,—вотъ все прямо, прямо, а тамъ лавка, а тамъ и мы живемъ.

Онъ подробно разсказалъ свой адресъ и, замѣтивъ, что изъ другихъ оконъ тоже выглядываютъ раненые, пригласилъ и ихъ.

— Всѣ приходите! Сейчасъ чай будемъ пить, а потомъ я вамъ на грамфонѣ вальсъ „Хризантему“ сыграю. Такъ придете?

— Придемъ, придемъ!—кричали ему изо всѣхъ оконъ.

Водя простился и пошелъ, но долго еще оглядывался и видѣлъ, какъ ему вслѣдъ кивали, улыбались и махали руками.

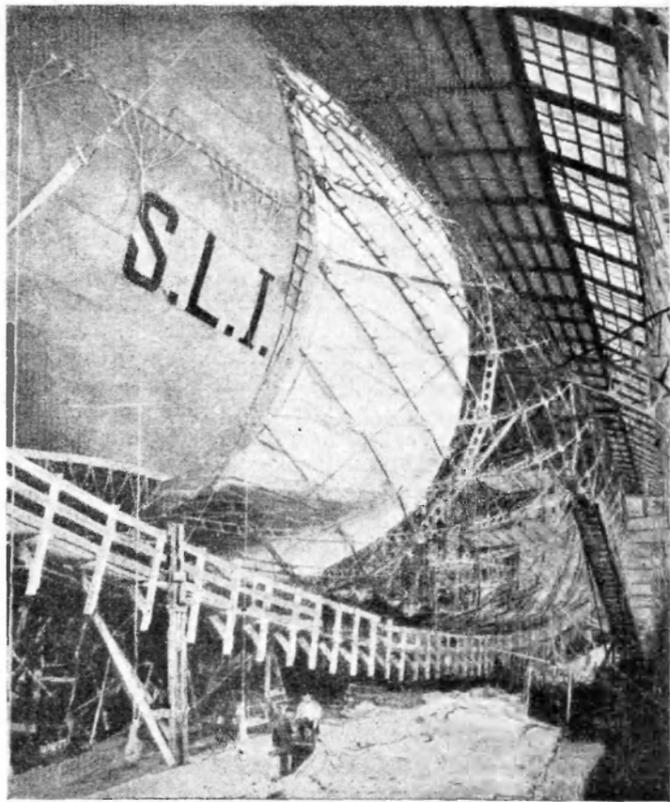
— Батюшка мой, да гдѣ же это ты пропадалъ?—встрѣтила его Хавронья. Мамашу то напугалъ до смерти: хватились, а его нѣту...

— Ставь большой самоваръ,—важно приказалъ Водя. Сейчасъ раненые къ намъ придутъ.

Въ кухню выбѣжали всѣ—и папа, и мама, и Шура, и Матренка съ выпученными отъ ужаса глазами; они ахали, смѣялись, удивлялись, а Водя солидно разсказывалъ, какъ онъ былъ въ казармѣ, звалъ къ себѣ раненыхъ, и они обѣщались придти.

— Сколько же ихъ?—спросилъ папа.

— Всѣ придутъ. Я велѣлъ ставить большой самоваръ, а ты, Матренка, возьми мои серебряныя копейки и иди купи сто булокъ. Вонъ, звонятъ!..

ЦЕПЕЛИНЪ ВЪ АНГАРѢ.

Онъ самъ побѣждалъ отворять, но это были не раненые, а газетчикъ. Потомъ звонилъ почтальонъ, потомъ портниха, потомъ какая-то мамина гостья, а солдатики все не приходили. Водя не зналъ, что дѣлать, то высовывался во всѣ окошки, то посылалъ Матренку на улицу глядѣть—не идутъ ли, то приставалъ ко всѣмъ съ вопросами, почему не идутъ. Волновалась и Шура. Въ ожиданіи гостей она разложила свои пряники на столѣ, но такъ какъ гости не шли, то время отъ времени Шура подходила къ столу, выбирала самый маленькій пряникъ и тихонько его съѣдала. А когда уже стемнѣло, и всезнающая Матренка объявила, что раненые теперь давно спать легли, Шура вздохнула и... съѣла послѣдній пряникъ.

Вечеръ кончился совсѣмъ печально. У Шуры разболѣлся животикъ, и ей дали касторку; Водя подрался съ Матренкой, мама его за это больно нашлапала; онъ ревѣлъ на весь домъ, какъ баба, и легъ спать съ угрозой, что завтра уйдетъ къ раненымъ и никогда больше не придетъ.

Но завтра на дворѣ шелъ проливной дождь, у Води отъ реву сдѣлался насморкъ, и его не пустили никуда. А когда пустили и они съ Матренкой пошли опять къ казармамъ, тамъ всѣ окна были уже закрыты, ничего не было видно и по тротуару ходилъ сердитый часовой съ огромными усищами и ружьемъ.

Такъ Водя и не узналъ, почему не пришли къ нему солдатики.

В. I. Дмитриева.

ПРЕМЬЕРЪ.

Характеристики Витте и воспоминания о немъ въ газетахъ можно считать законченными. Появятся скоро статьи о покойномъ министрѣ въ журналахъ. Затѣмъ наступитъ очередь для книжныхъ изслѣдованій. Но уже теперь можно подвести кой-какіе итоги. Перечитывая обширную газетную литературу послѣ смерти Витте, ощущалось, что это былъ первый премьеръ не только по званію, но и по существу своему. Для Россіи онъ являлся первымъ *европейскимъ* министромъ. На нашихъ глазахъ въ лучшии міръ отошелъ не одинъ десятокъ бывшихъ министровъ. И о нихъ писалось однотипно. Шла биографія. Родился отъ такихъ-то родителей, тамъ-то учился, служилъ. Затѣмъ—характеристика *дѣятельности*. Но *личность* министра оставалась неизвѣстной. Знали покойнаго лишь немногочисленные сослуживцы да пятокъ-десятокъ людей круга *его* общества. Ибо вся жизнь проходила среди бумагъ, письменныхъ упражненій и письменныхъ изученій. Человѣкъ сносился черезъ посредство бумагъ и среди бумагъ умиралъ. Въ этомъ заключалась видимая разница между русскими и иностранными государственнымъ дѣятелями. Послѣдніе приходили отъ жизни, общались съ тысячами людей, ихъ знавали персонально,—о нихъ можно было, слѣдовательно, вспоминать и этими воспоминаніями дѣлиться. Таковымъ былъ и Витте. Онъ зналъ въ лицо Россію, и Россія знала его. И потому вѣрили пустому хвастовству тѣхъ, которые морочили публику дружбой своей съ Сергѣемъ Юльевичемъ. Говорятъ, въ юго-западномъ краѣ всѣ были пріятелями Витте. Старый желѣзнодорожный машинистъ увѣрялъ, что помнитъ Витте, когда тотъ былъ «еще» машинистомъ. Банковскій чиновникъ пріятельствовалъ съ Витте, какъ сотоварищъ по банковской работѣ. Хлѣбный экспортеръ знавалъ покойнаго по торговому дѣлу.

Витте не былъ машинистомъ, начальникомъ станціи, банковскимъ служащимъ, экспортеромъ. Но онъ близокъ всему этому, каждому слагаемому многогранной жизни. И въ силу того гипноза, подъ которымъ находятся маленькіе люди, сталкивающиеся съ крупными, машинисту онъ могъ казаться гениальнымъ машинистомъ.

И, какъ человѣкъ подлинной жизни, онъ не могъ покориться власти бумагъ. Онъ искалъ живыхъ людей, живую матерію. Встрѣчаться съ людьми являлось для него необходимостью, ибо отъ нихъ бралъ онъ познание нуждъ Россіи и настроенія. Какъ человѣкъ исключительной политической интуиціи, Витте нуждался въ разнообразіи *впечатлѣній*, а безъ общенія съ людьми это было невозможно. И потому онъ принималъ всѣхъ, со всѣми бесѣдовалъ.

Бывали у него крупныя общественныя дѣятели, и съ ними онъ говорилъ о серьезныхъ матеріяхъ. Сносился съ писателями. Вхожи были къ нему репортеры. Во всѣхъ была нужда для полноты впечатлѣній. И кабинетъ Витте посѣщался даже тѣми безвѣстными людьми, которыхъ, кромѣ собственныхъ женъ, никто не цѣнилъ. И для всѣхъ у Витте было нужное слово. Если о конституціи и о будущемъ Россіи онъ бесѣдовалъ съ общественными дѣятелями, съ В. Дорошевичемъ говорилъ Витте объ «одессистахъ», чувствуя, что черезъ «одессиста» онъ также получитъ нѣкое впечатлѣніе. И хотя, конечно, Витте обычно употреблялъ слово «одесситъ», въ бесѣдѣ съ В. М. Дорошевичемъ онъ долженъ былъ говорить «одессистъ». Таковъ законъ приспособляемости. И, приспособляясь,

лавируя между гр. Гейденомъ и Морскимъ, между Плеве и Пооперомъ, по необходимости Витте то поднимался, то опускался, искалъ *среднюю* и, несмотря на гибкость души и исключительную интуицію политика, не могъ найти равнодѣйствующей. Въ томъ вина времени, но не безгрѣшенъ и Витте. Онъ былъ силенъ въ себѣ, но не какъ политическая единица. Онъ бралъ отъ людей многое, но былъ не въ силахъ изъ суммы приобретаемаго выдѣлать необходимое и на этомъ необходимомъ остановиться, въ немъ утвердившись. Гибкій, шелъ онъ за жизнью, не впереди ея.

Но и въ бросаніяхъ изъ стороны въ сторону Витте былъ европейскимъ министромъ, типа POSSIBILISTOV приспособившихся къ условіямъ времени. Но въ Европѣ созданы уже формы для дѣятельности такихъ людей; въ Россіи—первымъ былъ Витте, въ этомъ его значеніе для исторіи. Въ себѣ Витте ощущалъ будущее родины. А себя онъ столь крѣпко связалъ съ прошлымъ, что увязалъ въ немъ. Бросался впередъ, но невѣдомая сила тянула его обратно.

И поглядите: многое Россія забыла Витте еще при жизни его. Мы помнимъ, что печальное и трагическое время переживалось во время премьерства Витте. И, однако, какъ-то забылось кошмарное время для Витте. Онъ былъ главой министерства, на него падала—и не только формально-отвѣтственность. А общественная молва вину Витте переложила на Трепова, Дурново, Столыпина. Почему? Въ чемъ секретъ этой несправедливости?

Думается, въ томъ, что широкіе круги общества считали Витте *своимъ*; въ немъ чувствовали пробудившуюся силу Россіи и не могли поэтому тяжки грѣхъ за прошлое взвалить на мыслимое будущее. Какъ, онъ, пришедшій изъ жизни, «машинистъ», «начальникъ станціи» и пр.—и вдругъ грѣшникъ? Для всѣхъ миллионныхъ «машинистовъ» это являлось-бы самоотрицаніемъ, моральной смертью. И вся вина пала на сотрудниковъ Витте. Такъ иногда провалъ пьесы по винѣ премьера, любимого публикой, перекладывается на второстепенныхъ актеровъ, паріевъ сцены.

И отъ того, что Витте былъ человѣкомъ жизни и познанія людей, еще при жизни имя его окружили легендой.

. Желѣзнодорожникъ и

финансистъ, дѣлатель внутренней и внѣшней политики,—онъ все «умѣлъ». Хорошо или плохо—будетъ выяснено объективными изслѣдователями въ свое время. Но міръ зналъ, что Витте «все умѣетъ; умѣетъ» потому, что не задыхается въ пыли бумагъ, потому, что знаетъ людей и нисходитъ до прозы жизни. Чтобы работать и знать послѣднюю,—ему нужно было общеніе съ людьми, зрительныя воспріятія и живая рѣчь. И, дѣйствительно, онъ велъ бесѣды со всѣми, такъ что воспоминаніе о немъ можетъ писать и комми-вояжеръ. Вѣдь пишетъ ихъ комми-вояжеръ отъ извращеннаго славянофильства, вродѣ г. Вергуна... Но и г. Вергунъ нуженъ былъ Витте. Вотъ почему онъ зналъ Россію, и Россія знала его. Онъ былъ по справедливости первымъ у насъ «премьеромъ», первымъ министромъ европейскаго образца.

Петръ Рысскъ.

ФЛАНДРІЯ.

Наоросокъ Эмиля Верхарна.

Я безумно люблю клочекъ земли, на которомъ родился.

Вѣдь въ теченіе десяти лѣтъ моего дѣтства глаза мои отражали только мою родину; вѣдь эти виды, эта рѣка, эти дома, эти деревья, это кладбище, эта колокольня научили мои глаза видѣть и созерцать предметы; эти тропинки и дороги научили меня ходить; восходы, зори и закаты моей родины дали мнѣ ощущение времени, а ея изумительное небо и безконечная равнина—ощущеніе пространства.

Голосъ мой всѣ эти годы не звучалъ, не раздавался нигдѣ, кромѣ маленькаго фламандскаго поселка, пріютившагося у Шельды, невдалекѣ отъ прекраснаго, утопающагося въ зелени, острова. Тамъ я слышалъ впервые собственный голосъ.

Теперь вы понимаете, почему мѣстечко мое какъ бы составляетъ частицу меня самого, не признавай я его, я бы отвергъ мое первоначальное существованіе на землѣ.

Моя родина—я самъ, и я люблю ее такъ же, какъ люблю себя—эгоистично и страстно. Больше того, когда разумъ говоритъ мнѣ, что она существуетъ помимо меня, внѣ меня, что между нами есть различіе,—я чувствую къ ней все же, какъ къ особѣ, которой я многимъ обязанъ,—самую глубокую, самую вѣрную признательность. Слѣдовательно, я люблю ее въ себѣ и внѣ себя, и ничто изъ ея прелестей или недостатковъ мнѣ не чуждо.

Ея виды милы мнѣ; ея обычаи—драгоценны; ея чувства сдѣлались моими; для ея будущаго я работаю; ея прошлое восхищаетъ меня, я воспѣваю его. Ея исторія сплошь исторія героевъ.

Лишь только я научился читать, я сталъ узнавать ихъ. Признаюсь, что началось это съ жалкихъ книгъ, съ безкровныхъ учебниковъ, лишенныхъ всякаго пыла и пафоса. Они обращали больше вниманіе на годы смерти и рожденія этихъ героевъ, чѣмъ на величіе ихъ поступковъ, представляли собою какъ бы часть историческаго каталога, а не основу человѣческой жизни и явленій. Если бы я не былъ одаренъ съ дѣтства нѣкоторымъ воображеніемъ, то я не смогъ бы отличить ихъ отъ простаго сочетанія буквъ ихъ именъ.

Если книги не казались мнѣ слишкомъ интересными, то огромное впечатлѣніе производили на меня картины. Мнѣ удавалось добыть порою превосходныя лубочныя картины, цѣною не болѣе двухъ су. Я помню одну изъ нихъ, гдѣ Жакъ Артевельдъ побѣждаетъ англійскаго короля, съ возвышенія обращается къ народу съ рѣчью, а привѣтствующіе его люди въ желтыхъ, зеленыхъ и красныхъ одеждахъ затѣмъ его убиваютъ. Я едва могъ постичь такую внезапную смѣну событій. Мнѣ разъяснили ее; такимъ образомъ я получилъ первый урокъ психологии толпы.

Какъ сейчасъ стоитъ въ моей памяти изображеніе героической смерти графовъ Эгмонта и де Горна, когда женщины бросались къ окровавленному эшафоту и смачивали носовые платки въ пролитой крови. Эта сцена особенно трогала меня; я ощущалъ героическіи трепетъ, и мнѣ хотѣлось умереть подобно этимъ людямъ за высокую идею.

Я не забуду также торжественнаго въѣзда Филиппа, короля французскаго, въ Брюгге, изображеннаго наивнымъ, но восторженнымъ мазилкой-художникомъ въ видѣ настоящаго фламандскаго праздника; король, королева и всѣ придворные были представлены необычайно худыми, а мои земляки поражали избыткомъ полноты и румянца: у нихъ несомнѣнно былъ славный аппетитъ, не такъ, какъ у французовъ. Отсюда я заключилъ, что существуетъ значительная разница въ питаніи и въ поведеніи расъ, и что у насъ хорошее настроеніе за ѣдой и чревоугодничество считаются за національную добродѣтель...

Я могъ бы умножить эти наивныя воспоминанія до безконечности. Но ограничусь этими словами о томъ, какъ въ давнопрошедшія времена, благодаря лубочнымъ картинкамъ,—я познакомился съ моею родной Фландріей.

Э. Верхарнъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С. Франкъ. Идеинія вліянія войны. ♦ П. Вл. Пястъ. Изъ «Вестѣдъ съ Богомъ» Верлэна. ♦ В. І. Дмитріева. Солдатики. На войнѣ. ♦ П. Рыссъ. Премьеръ. ♦ Э. Верхарнъ. Фландрія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ОТЕЧЕСТВО

ВЫХОДИТЪ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Иллюстрированный журнал «ОТЕЧЕСТВО» слѣдитъ за всѣми выдающимися событиями мировой жизни и даетъ имъ освѣщеніе въ многочисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ. Возникая въ грозный историческій моментъ, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на великой освободительной войнѣ и является иллюстрированной летописью НАРОДНОЙ ВОЙНЫ.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскій, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскій, Н. Кульбинъ, Б. Кустодіевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Ре-ми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлемань, и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участие:

Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, А. А. Ахматова, Ю. К. Балтрушайтисъ, А. Н. Бенуа, Ал. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Ив. Бунинъ, И. А. Бѣлоусовъ, Г. Вильямсъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, Влад. Гиппиусъ, Г. Гребеншиковъ, Н. С. Гумилевъ, Б. Гуревичъ, Л. Добролюбовъ, О. Дымовъ, И. Н. Евреиновъ, И. В. Жилкинъ, Б. К. Зайцевъ, Е. И. Замытинъ, Е. А. Зноско-Боровскій, Игорь-Сѣверянинъ, А. Измайловъ, Д. Н. Крачковскій, В. Д. Кузьминъ-Каравасевъ, А. И. Купринъ, С. Г. Лозинскій, В. А. Маклаковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, О. М. Персицъ, проф. Б. Парсъ, С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рысь, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, Ив. Странникъ, П. Б. Струве, В. Танъ, проф. Е. В. Тарле, Н. Д. Телешовъ, М. Толмачева, Гр. Ал. Н. Толстой, А. В. Тыркова, Тэффи, А. Чапыгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Г. И. Чулковъ, Вяч. Шишковъ, П. Е. Шеголевъ, А. М. Фелоровъ и др.

Въ журналѣ „ОТЕЧЕСТВО“ примутъ участие М. Барресъ, Ж. Гэдъ, Ж. Клемансо, Ромэнъ Ролланъ и др.
Редакторъ-Издатель **З. И. ГРЖЕВИНЪ**.

Въ отдѣльной продажѣ 10 коп. номеръ.

На станціяхъ жел. дорогъ—12 к.

ПРОВНЫЙ № ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА 15 КОП. МАРКАМИ

Пріемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

Требуйте у газетчиковъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Невскій 55.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ. «ОТЕЧЕСТВО».

Книгоиздательство „ОТЕЧЕСТВО“.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

КОРОЛЬ, ЗАКОНЪ И СВОБОДА.

ЦѢСА ВЪ 6 КАРТИНАХЪ.

ЦѢНА 75 КОП.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

(О Еврейскомъ Вопросѣ).

ЦѢНА 20 КОП.

Вся выручка поступаетъ въ „Еврейскій Комитетъ для помощи жертвамъ войны“.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ВОЙНА.

СТИХИ.

ЦѢНА 40 КОП.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.

ДУШЫ О РОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

ЦѢНА 40 КОП.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

СТИХИ О РОССИИ.

ЦѢНА 40 КОП.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

Война въ цифрахъ.

Статистическія данныя изъ новѣйшей военной истории.

Сост. М. Р. Марковичъ.

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность армии.—Напряженность и колебанія отд. войск.—Причины, обуславлив. исходъ войнъ.—Кровопрлитныя сраженія.—Осады. Потери людьми и матеріальныя.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатами и офицерами, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій и болѣзней.—Полководцы.—Продолжительность войнъ.

ЦѢНА 50 КОП.

А. ГРИНЪ.

ЗАГАДОЧНЫЯ ИСТОРИИ.

ЦѢНА 1 РУБ.

ЛЕОНИДЪ ДОБРОУРАВОВЪ.

РАЗСКАЗЫ

ЦѢНА 1 РУБ.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

ГОТОВИТСЯ
КЪ ПЕЧАТИ:

М. Горькій, СКАЗКИ. ИЛЛЮСТР. Худ. И. Бродскаго.

ИСТОРИЧЕСКАЯ